

СКУКИНЫ ДЕТИ

УЯЗВИМОСТЬ

СБОРНИК МАЛОЙ ПРОЗЫ

Скукины Дети

Уязвимость

«Издательские решения»

Скуины Дети

Уязвимость / Скуины Дети — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965776-3

Мамонтёнок плывёт на тонкой льдинке по течению. Кругом вода, небо и земля: под водой рыбы, в небе птицы, на земле люди. Поодаль на таких же льдинках плывут другие мамонтята. Он мысленно машет им хоботком. Он знает — малейшее движение может опрокинуть в воду и его, и их. Тогда будут накормлены птицы или рыбы. А если это заметят люди, они могут и спасти утопающих. Но он не хочет кормить и людей. Он хочет показать и себе, и таким, как он, каким прочным может быть тонкий лёд под ногами мамонтёнка.

ISBN 978-5-44-965776-3

© Скуины Дети
© Издательские решения

Содержание

Твоя задача	6
Непримиримость	7
Сочувствие	8
Вес	9
Кольцо	10
Мать	11
Колесо	12
Питер, например	13
Одержимость	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Уязвимость

Скуины Дети

Смех толпы это всегда закадровый смех.

© Скуины Дети, 2019

ISBN 978-5-4496-5776-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Твоя задача

Твоя задача стоять неподвижно, не издавая ни звука. Как только ты заметишь выводок извивающихся змей под ногами и стаю чёрных птиц кружащих над головой, у тебя будет лишь один шанс остаться невредимым. Только ты захочешь отогнать одних, на тебя тут же бросятся другие. Знай это. Топнешь ногой – и змеи поструятся по сторонам, но птицы, – они только этого и ждут, – как по команде ринутся на тебя с такой скоростью, что ты не успеешь поднять головы. Всё пропало и в противоположном случае: стоит тебе махнуть рукой на стаю птиц, как они разлетятся в разные стороны, а змеи, – не успеешь заметить, – обовьют тебя с ног до головы так стремительно, что последний вдох твой не будет глубоким. Стой неподвижно: змеи под ногами, птицы над головой, – они заметят тебя только тогда, когда ты начнёшь для них существовать, когда ты начнёшь... реагировать. Существовал ли ты до того, как среагировал? Скорее всего, ты просто подумал, что можно изменить позу на более удобную и выгодную, и тем самым только пробудил их. Существование есть уязвимость.

Непримиримость

Моё присутствие в мире и мир в моём присутствии функционируют по определённым законам. Они представляемы мною. Нельзя сказать, что мир существует по известным мне законам, они мне неизвестны – я способен их лишь представить. Моё же присутствие в мире немыслимо без моего представления о том, как он функционирует. То же и для мира: функционирование для него невозможно без его представления обо мне. Он так же не властен надо мною, попирая мой собственный закон, как и я не властен над ним в том же самом случае. И нам приходится считаться друг с другом, а не только мне с ним, как можно подумать на первый взгляд, иначе бы мы не смогли сосуществовать, а мы сосуществуем. Сосуществование это, однако, во многом, не взаимопроникновенно, оно более обособленно, чем связано. Для меня мир внешен: я существую отдельно, но ни отделимо. Для мира внешен я, где «внешен» здесь лишь характеристика поведения, но не места.

Принять мир – значит принять доминирование его законов над своими. Это значит утвердить источник не власти, а источник происхождения этих законов выше и истиннее своего источника, пускай он и, в конечном счёте, может быть не отделён от мира. В общем и целом это есть не что иное, как складывание полномочий и передача ответственности: поскольку источник законов мира становится выше, весомей и первостепенней, равно как и сам мир, стало быть, и судьи и палачи мира сего, так же – выше. А что есть у меня – возможность представлять одновременно и закон мира и свой, и я становлюсь непримирим. Я непримирим с миром и мир между нами не наступит никогда, поскольку он требует от меня признания его истинности, – то есть превосходства, – а не моей. Я же, вынужден отвергнуть это требование, по тем же причинам, по каким не могу принять его. В случае признания его истинности мир также не наступит. К добровольно примкнувшим мир проявляет равнодушие и ищет восставших. Носитель бунта, а стало быть, и источник бунта заглавная его цель. Знание причин бунта и следующих за ними возможных последствий и результатов есть гарант его дальнейшего стабильного функционирования.

Я могу ненавидеть эту машину, могу любить, но тогда она будет равнодушна. Я же – непримирим, а значит необходим. Это не значит, что я признал источник его законов первостепенным. Я просто ищу гарант своего дальнейшего существования.

Сочувствие

Всякий раз, когда я сталкиваюсь с желанием, оказывающимся сильнее моей воли, я не вижу другого выхода, кроме как либо поддаться ему, либо найти желание более сильное, чем это. Становится сильнее самому незачем, ибо я не слаб, не силён, я – ищу. Если же более сильное желание снова окажется сильнее моей воли, я буду искать другое. Таким образом я не испытываю силу своей воли, а ищу то, чего в действительности хочу. А хочу я уличить желание в наготе, иначе – в преступности. Что значит найти желание? Это значит изобличить его. Моя задача не пристыдить его, не поймать, а понять. Чтобы понять, нужно не прятать и не прятаться, а искать и выявлять.

Вес

Слова имеют вес в том случае, когда за ними скрывается молчание. Но не пустое, а тяжёлое, вымученное. Такие слова могут быть поданы и хладнокровно и громко: в первом случае они превращаются в вечную мерзлоту; во втором – в сезонные ветра.

Кольцо

Меня носит по замкнутому кольцу своих мыслей. Чего я хочу больше всего – разомкнуть это кольцо. Если таким образом я не сумею достигнуть желаемого умиротворения, то хотя бы дам свободу мыслям. Если хоть они получают своё, то и для меня надежда на то же самое окажется не беспочвенной, не оправданием, а чем-то, пускай утешительным, но не призрачным.

Мать

Я лежал и не мог понять – какую мать больше люблю: ту, которая не смогла стать той, какой должна была стать; ту, какая должна быть; ту, что несётся неведомо куда, вращаясь вокруг солнца; или же ту, что несовершенством своим породила метания мои в этом вопросе и сам вопрос. Я не смог понять, не смог сделать выбор, то есть всё-таки – последнюю, свою?

Колесо

Рисуем колесо, получается не совсем правильной формы, почему-то правильной никогда и не получалось. Может от того, что рисуем от руки? Кстати говоря, никогда и не видал я в жизни ни одного колеса правильного, ровного. Не от того ли, что все колёса от рук?

Нарисовали. Не как учили, а как учились. Вроде бы получилось. Итак, берём одной рукой белый лист бумаги, его нужно будет придерживать, другой берём за край колеса, аккуратно, чтоб не замараться, краска ещё не до конца высохла (кажется снова не дотерпел, хотя ждал и терпел, что есть подтверждение терпения, значит мы знакомы, я знаю терпение и оно меня, что важнее, а большего и не дано. И разве дотерпеть до конца не значит ниспровергнуть терпение с трона его, а стало быть, и обесценить то, ради чего терпишь) и, прилагая не мало, но и не много усилий, в меру, только в меру, не иначе! Даём импульс и вот оно! Вращение!

Колесо вращается с постоянной скоростью, не слишком быстро, не слишком медленно, краски смешиваются, мазок на мазок, переплывают плавно, перемещаясь до неузнаваемости и снова повторяя первоначальный облик колеса. Под действием центробежной силы колесо приобрело правильную форму, вращение принесло свои плоды, каждая точка радиуса стала равноудалена от центра. Время летит, время дать новый импульс, ловим край колеса на моменте вращения и добавляем! Вращение! В самом начале этого не было заметно, но теперь отчётливо видно, как краски покидают колесо, плавно разбрызгиваясь по листу. Нужно ли остановить колесо, можно ли остановить? Приостановить?

Но что это, что-то в центре, вот здесь. Что-то как будто не вращается. Действительно, ведь, в любом колесе, даже в самом широко нарисованном, да в любом, всё равно должно быть что-то самое-самое центральное, что не вращается. Что это? Какая-то точка. Что это с ней? Кажется, она расширяется, чем больше красок покидает колесо, тем больше она становится, она растёт, я вижу это, я наблюдаю. Красок уже почти не осталось – огромный чёрный круг. По краям последние капли, последние красочные точки. Только один вопрос беспокоит меня сейчас: смогу ли я досмотреть, или – хватит ли мне терпения досмотреть. Краски покидают лист, чёрный круг продолжает расширяться.

Скомкать лист – подтвердить существование терпения, остаться недвижимым – подтвердить своё существование. Первое есть вера в нечто большее, чем я, а второе не оставит заинтересованных лиц.

Питер, например

Это были не только звуки поезда и гул ветра. Что-то искажённое отражало звуки, образуя мерцающее пространство свиста, воя, скрежета. Поезд следовал в пространство совсем иного города, нежели тот, провинциальный, из которого отправился я. Поезд входил в другое измерение. Множество городов находятся приблизительно в одних, схожих измерениях, даже разновидность климата и ландшафта не слишком отличают их друг от друга. А есть такие, которые могут располагаться в самом, кажется, непригодном месте, но они, зачастую, как раз таки и пребывают в иных измерениях. В них стремятся изнывающие, уставшие от тоски. И только эти места и способны дать им тихое одиночество, тихое и спокойное. Не моря и горы, не реки и озёра, не тем более удалённые от крупных населённых пунктов поселения или городки. Если время течёт там не в том ритме, не имеет той цены, которую они согласны платить за него, то совершенно неважно, сколько там возможностей, тепла и знакомых. Им нужно измерение их скуки.

Одержимость

Мне не нужна идея, не нужна цель. Мне нужна только одержимость. Идею примут на вооружение, цель останется в словах, здесь, где я перестану быть со временем. Одержимость не отдаст меня покою, она вопьётся в меня и непустит, где бы я ни оказался после смерти. Одержимость мой непробиваемый скафандр, ничто не может проникнуть внутрь: ни идеология, ни доктрина, ни экономика, ни семья, ни мечта. Ничто не пробьёт эту броню. Она такая же, как и я, она как автономное бесцельное существование внутри мира, равнодушного и притворного. Одержимость придаёт правде вес, придаёт небезразличию смысл. Она формирует другое измерение внутри скафандра и внешний мир отныне не тяготит, а вызывает ярость, оттачивающую злобу. Ненависть вырывается наружу и трансформируется в жалость, сожаление и сочувствие. Так работает инстинкт самосохранения одержимости. Все маньяки и убийцы разрушают скафандр одержимости, выливая ненависть, какая она есть, дискредитируя, тем самым, одержимость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.